

СТАЛЬНОЙ БАРОН

ИСХОДНАЯ ТОЧКА

Максим Взор

Максим Взор
Стальной Барон

«Автор»

2026

Взор М.

Стальной Барон / М. Взор — «Автор», 2026

Майор инженерных войск Алексей Вершинин погиб при разминировании. Проснулся в теле девятнадцатилетнего барона, чей отец казнён за измену, земли конфискованы, а в наследство остались лишь разваливающийся замок на скале, двести голодных крестьян и четырнадцать дней до того, как сосед-граф заберёт всё. В этом мире два процента людей способны «резонировать» с материей — чувствовать структуру стали, камня, дерева. Барон Алекс по всем записям бездарен. Но майор Вершинин знает металлургию, военную инженерию и то, как из ничего построить производственную цепочку. А Резонанс, проснувшийся в чужом теле, превращает его знания в то, чего здесь ещё не видели. Никаких систем, уровней и чит-кодов. Только сталь, огонь, расчёт и упрямство человека, который привык решать невыполнимые задачи. От первой плавки в развалившейся кузне — до нарезных стволов, горных пушек и полка, который остановит вторжение. От опального барона — до того, кого империя назовёт графом.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Стальной Барон

Глава 1

Степь дышала неровно ему в лицо. Жар становился невыносимым. Короткие и редкие порывы ветра приносили запах полыни и разогретой земли. Алексей Вершинин, майор инженерных войск, привычно отмечал про себя каждую мелочь. Он замечал и то, как дрожит воздух над раскалёнными камнями, и то, что кузнечики в траве замолчали, и даже то, что сержант Козлов, молодой ещё парень, двадцати трёх лет от роду, но уже с седыми висками, дышит ровно, как учили: на четыре счета вдох, на четыре выдох. Это нужно, чтобы обмануть организм, заставить его не замечать, что очень страшно. "Молодец" - мысленно похвалил его Вершинин.

Майор лежал на животе, вжавшись в траву. Он будто хотел стать её частью. Алексей смотрел на экран детектора. Там красное пятно неправильной формы пульсировало в трёх метрах впереди, на глубине сорока сантиметров. Это очевидно была не мина и не снаряд. Это было что-то самодельное, а значит совсем непредсказуемое. Вершинин медленно, чтобы не тревожить землю, пополз вперёд. Он чувствовал как трава колет щёки. Он отметил про себя, что пахнет чем-то совсем мирным-летом, пылью, зноем.

Провод показался через минуту. "Вот и ты, мать твою" - подумал Вершинин. Провод был тонкий, в потёртой изоляции, через которую проступала медная жила. Провод уходил в сторону к маленькой коробочке. Ее умело замаскировали под камень. Вершинин уже потянулся к ней, но что-то остановило его. Годы опыта никуда не денешь. Он чувствовал интуитивно, что смертельная опасность совсем рядом. Его охватило странное ощущение, будто воздух стал плотнее, а время — гуще. Он поднял голову, и увидел НЕЧТО белое, ослепительное. Казалось оно растёт и расширяется из центра Вселенной. Майор не испугался. Его чувства будто отключились. Яркая вспышка перед глазами стала последним, что майор увидел в своей жизни. Его последняя мысль была странной и почти спокойной: «Вот дела. Умер я, братцы. А ведь я не успел сказать Козлову, чтобы он отошёл». Потом наступила тишина, и темнота. В ней некоторое время плавали запахи сырого камня и ржавого металла. Остатки сознания отметили холод. Не привычный зимний холод, щипающий щёки. А стылую тоску камня, веками не видевшего солнца.

Тело не слушалось, и не потому, что было ранено — он это понял сразу, профессионально оценив ощущения, — а потому, что не подходило, как чужая рубашка, которую надел спросонок: руки были уже, грудь уже, дыхание частое и поверхностное, и когда он наконец открыл глаза, над ним оказался низкий копчёный свод, а факел на стене горел неровно, и тени плясали по камням, как живые.

Рядом кто-то плакал — тихо, сдержанно, стараясь не шуметь, и Вершинин медленно, осторожно повернул голову, отчего шея ныла тупой болью, и увидел девушку лет двадцати трёх, не больше, с тёмной косой, из которой выбивались отдельные пряди, в простом сером, но чистом платье, с бледным лицом и красными от слёз глазами, державшую в руках тряпку и теревшую ею его руку.

— Грета, — сказал кто-то за спиной хриплым старческим голосом, и девушка вздрогнула, обернулась, и в её широко раскрытых глазах испуг сменился надеждой. — Оставь, он не чувствует.

— Алекс? — прошептала она. — Алекс, ты... ты слышишь меня?

Вершинин попытался сесть, усилием воли заставил непослушное тело слушаться. И тут в голову предательски ударило. И это не было больно. Это были совсем другие ощущения. Майор всем своим существом проникал в странное ощущение: будто кто-то открыл кран, и полились

чужие воспоминания. Здесь были и замок на скале и холодный ветер с моря. Ое увидел, что его отец — высокий, седой, с лицом, похожим на гранит, смотрит на него внимательно. Он видел мать, умершую, когда ему было семь лет. Сестра Грета, старшая на четыре года, учившая его читать и фехтовать, заменявшая ему мать, а потом — суд и крики, обвинение в измене, отец в кандалах, палач с топором, кровь на камне, и снова этот замок, холодная комната, лихорадка, три дня без сознания, и последняя чужая мысль, слабая, испуганная: «Я не хочу умирать».

Он закрыл глаза и понял, что умер и попал сюда. Теперь он находится в теле девятнадцатилетнего барона Алекса фон Верна, третьего сына покойного барона, лишённого земель и покровителей, оставшегося с заброшенным замком на скале и двумястами душами крестьян в нищете.

— Алекс, — Грета опустила на колени рядом, взяла его руку, и пальцы её были холодные, но тёплые от её тепла. — Что с тобой? Ты живой?

— Да, — сказал он голосом, который был его и не его одновременно. Он стал каким-то слишком тонким и молодым, но с хрипотцой.

- Я в себе., -сказал он сестре своим новым голосом.

У двери стоял старик — высокий, худой, в потёртом камзоле, с мечом на поясе, не парадным, а боевым, с потёртой рукоятью и царапинами на гарде, с лицом в морщинах, но глазами ясными и цепкими.

— Кто вы? — спросил Вершинин, и старик моргнул.

— Йорг, молодой барон, ваш оруженосец, слуга вашего отца, служивший ему, как раньше — вашему деду и прадеду.

Воспоминания барона укладывались в голову, как детали конструктора, и Вершинин кивнул, понимая, что внутри этого молодого, слабого тела теперь живёт тридцатичетырёхлетний мужчина, офицер, инженер, сапёр, человек, который видел смерть и не боялся её, человек, который знал, как делать вещи.

— Сколько мне лет? — спросил он, и Йорг ответил, что девятнадцать, и Вершинин подумал, что пятнадцать лет — это целая жизнь, и спросил, что произошло, хотя уже знал ответ из воспоминаний барона.

— Вы заболели после того, как мы узнали о казни отца, — сказала Грета, сжимая его руку, и он кивнул, потому что помнил, или барон помнил, а теперь и он помнил.

— Нас оставили здесь? — спросил он.

— Замок наш по имперскому закону, имущество не конфисковано полностью, — ответил Йорг. — Вам оставили Вернштейн и двести душ крестьян.

— А деньги?

Грета опустила глаза.

— Денег нет, Алекс, отец потратил всё на попытку оправдаться, на юристов, на взятки, осталось золота на два месяца, если экономить.

Два месяца, двести голодных крестьян, разрушенный замок, никаких денег, никаких связей, никакой власти, и Вершинин, который в прошлой жизни сказал бы «задача невыполнима» и начал бы её решать, открыл глаза и попросил Грету рассказать всё подробно — что у них есть, что нет, кто враги, кто потенциальные союзники.

Она посмотрела на него удивлённо, потому что этот вопрос был не от её больного брата, мягкого, болезненного, беззащитного, не задававшего таких вопросов, но сказала «хорошо» и начала рассказывать.

Рассказ занял час, и Вершинин слушал, задавал вопросы, уточнял, привычно работая с информацией, которая на войне важнее патронов, и постепенно перед ним складывалась кар-

тина мира, похожего на Европу середины девятнадцатого века, с паровыми машинами и первыми железными дорогами, с нарезным оружием только у элитных частей, с семью великими герцогствами под властью императора, с аристократическим парламентом и жёстким сословным неравенством, в котором купцы могли купить дворянский титул, а дворяне — разориться.

Два процента населения были способны «резонировать» с материей — редкая, ценная, но ограниченная способность, и резонатор-металлист мог чувствовать структуру металла, находить дефекты, улучшать свойства, а резонаторов забирала имперская служба, фактически обращая их в рабство короны, и отец Алекса, барон Верн, был обвинён в измене, якобы вёл переговоры с южными королевствами, готовившими вторжение, и казнён, а земли его конфискованы, и только Вернштейн остался да двести крестьян, и граф Фридрих Шталь, сосед, владелец соседнего герцогства, давно хотевший поглотить земли Вернов, уже прислал отряд для описи имущества.

Когда Грета закончила, он молчал минуту, потом сказал, что теперь знает, с чем имеет дело, и Йорг посмотрел на него странно и заметил, что молодой барон изменился, на что Алекс усмехнулся и ответил, что лихорадка меняет людей, хотя знал, что дело не в лихорадке, а в том, что внутри этого молодого тела теперь живёт тридцатичетырёхлетний мужчина, знающий, как делать вещи.

— Йорг, покажи мне замок, все помещения, подвалы, чердаки, всё, — сказал он, и когда Йорг спросил зачем, ответил, что отец оставил ему замок, а отцы не оставляют детям просто замки, они оставляют им ключи.

Замок оказался тем крепким, но неудобным с точки зрения нашего современника. Он представлял из себя трёхэтажное здание из серого камня с башнями по углам. Внушительные стены толщиной в два метра, окна узкие, бойничного типа. Значит внутри холодно, сыро, темно. Вершинин ходил по помещениям, осматривал, щупал стены, а Йорг шёл за ним, Грета шла рядом, показывая кухню с камином, которую не использовали, потому что когда слишком холодно, то дров шло безумно много. Потом осмотрели хранилище в подвале, где ничего не осталось, всё разграбили при описи.

— Открой, — сказал Алекс, указывая на дверь в полу, и Йорг пожал плечами, открыл люк, за которым оказалась темнота, и Алекс взял факел, спустился, и подвал оказался больше, чем он думал, с каменными сводами, каменным полом, пустыми полками и бочками без дна.

Он ходил, стучал по стенам, и тут почувствовал — не звук, не запах, а что-то другое, будто стена живая, будто камень дышит, и когда он приложил руку к стене, то замер, потому что чувствовал камень не пальцами, а чем-то другим, чувствовал, как камни уложены, как раствор между ними старый и крошится, как один камень треснут, но держится, как другой идеально подогнан.

Это было невозможно, и он отдёргнул руку, и Грета посмотрела на него с тревогой, спросив, что случилось, но он ответил, что просто устал, хотя знал, что это не усталость, а Резонанс, и что он — резонатор, хотя барон Алекс-оригинал по всем записям был безрезонансным, тесты в детстве отрицательные, и что произошло — он не знал, не сейчас, но знал другое: у него есть инструмент, у него есть знание, у него есть три месяца, а потом придёт граф Шталь и заберёт всё.

В стене он увидел нишу, закрытую камнем, но чувствовал, что за камнем пустота и что-то металлическое, и попросил у Йорга лом, который нашёлся в кузне — единственном помещении, которое ещё использовалось, тяжёлый, железный, с облупившейся рукоятью.

Алекс взял лом и снова почувствовал — теперь железо, его структуру, углерод, включения серы и фосфора, неоднородный металл с раковинами, плохую плавку, но для лома сойдёт, и подошёл к стене, нашёл место, где камень был слабее, раствор крошился, шов расходился, и ударил, и камень треснул, и ещё удар, и ещё, а Грета и Йорг смотрели молча, ни вопросов,

ни возражений, просто смотрели, и через десять минут оказалась дыра, за ней — комната, небольшая, квадратная, пыльная, с столом в центре, на котором лежали книги, свитки, инструменты, на стенах — чертежи, на полках — образцы металлов, куски стали, меди, бронзы, каждый подписан, и записка.

Он подошёл, взял в руки один из свитков, развернул его. Алекс увидел ровный, уверенный почерк без старческой дрожи: «Сын! Если ты читаешь это, значит, я мёртв, а ты нашёл свой Резонанс. Это очень важно. Металл начнет отвечать тебе. Слушаться тебя. И запомни главное! Начни с кузни. Твой отец».

Всё, ни подписи, ни даты, ни объяснений, и Алекс смотрел на записку, потом на комнату, потом на свои руки, понимая, что отец был резонатором, скрывал это, потому что резонаторов забирали на имперскую службу, фактически в рабство, и что он тоже резонатор, пробуждение после лихорадки, после смерти, после попадания, но это не важно, важно другое: у него есть инструмент, знание, три месяца, а потом придёт граф Шталь и заберёт всё.

— Запомните, — сказал он Грете и Йоргу голосом ровным, без эмоций, — никто не должен знать об этой комнате, никто, поняли?

Они кивнули, и он бросил лом на пол, и звон железа эхом разнёсся по подвалу, и сказал, чтобы показали ему кузнеца.

Кузнец жил в маленьком домике у стен замка — Ханс Крамер, старый, седой, с руками, похожими на клешни, с пальцами в ожогах, шрамах, мозолях, руками человека, который сорок лет работает с огнём и металлом, и был он резонатором-металлистом, но скрывал это, как и отец Алекса, и когда Алекс вошёл, старик поднял голову, посмотрел прищуренными, оценивающими глазами и спросил, выздоровел ли молодой барон.

— Да, — Алекс сел на табурет. Дерево под ним резко скрипнуло. — Ханс, мне нужна твоя помощь.

— Тебе нужна моя помощь? — старик усмехнулся криво, без веселья. — Сказать, что я удивлен, это ничего не сказать, молодой барон. Я всегда готов помочь тебе, но у меня нет ничего, кроме молота и наковальни.

— У тебя есть гораздо больше, — Алекс посмотрел ему в лицо прямо, не отводя глаз. — У тебя есть Резонанс.

Старик замер, рука с молотом остановилась в воздухе, потом медленно кивнул и спросил, откуда он знает, и Алекс протянул руку к мечу, висевшему на стене у Ханса, старому мечу с потёртой рукоятью и царапинами на гарде, и сказал, что тоже чувствует, и коснулся меча, и почувствовал сталь, углерод, включения, дефекты — микротрещины у рукояти, неравномерную закалку, меч старый, битый, с усталостью металла, но ещё годный для битвы, Но было и что-то ещё. То, что отозвалось внутри не эхом, а тихим вопросом.

Алекс отдернул руку, и Ханс смотрел на него долго, молча, потом медленно кивнул и спросил, что ему нужно, и Алекс ответил, что нужна сталь, хорошая сталь, много стали, и время.

— Время? — Ханс нахмурился. — Сколько?

— Две недели, — Алекс посмотрел в окно. — Может быть, меньше.

За окном была пыль, дорога к замку и всадники — тридцать человек на вороных, ухаженных лошадях, в блестящих новых доспехах, с гербом на нагрудниках, чёрным орлом на красном поле, гербом графа Шталя, ехавшие стройно, по четыре в ряд, с копьями вертикально и знаменем развёрнутым, не карательный отряд, а демонстрация силы, и во главе — офицер на капитанских полосах, со скуластым, жёстким лицом и холодными глазами, подъехавший к воротам, остановившийся, посмотревший на замок и усмехнувшийся.

Алекс усмехнулся в ответ, но старик не видел, и сказал Хансу запереть дверь и не открывать никому, даже ему, и когда Ханс спросил почему, ответил, что сейчас будет неприятный разговор, и вышел.

Грета уже стояла во дворе, бледная, с руками, сжатыми в кулаки, и сказала, что они приехали, и Алекс кивнул, что видит, и на её вопрос, что будем делать, посмотрел на ворота, на всадников, на капитана, который уже спешил, и сказал, что будут говорить вежливо, спокойно и юридически грамотно.

— Юридически? — Грета посмотрела на него странно. — Алекс, ты...

— Лихорадка, — он усмехнулся. — Она меняет людей, помнишь?

Ворота застучали — тяжёлый стук, три удара, и голос капитана: «Открывайте, по имперскому указу!»

Алекс посмотрел на Грету и сказал открывать, и пошёл к воротам спиной к кузне, лицом к врагу.

Глава 2

После того как Алекс велел открывать, стражники поспешили к воротам. Тяжёлые, окованные железом, они отворились неохотно, словно сами не хотели впускать чужаков во двор.

Алекс стоял немного в стороне, заняв удобную во всех смыслах позицию. За его спиной расположилась Грета. Она была слишком бледна. Ее кулаки самопроизвольно сжались так, что костяшки побелели. Справа стоял Йорг, старый оруженосец. Его умелая в бою рука располагалась на рукояти меча. Слева осталась пустота двора, посыпанного гравием, и серые стены замка, которые ещё помнили старого барона.

Всадники въехали медленно и надменно. Их было тридцать человек. Вороние лошади гарцевали, ухоженные, с блестящей сбруей. Доспехи новые, на нагрудниках — чёрный орёл на красном поле. Герб Шталя.

Алекс смотрел и отмечал. Привычка. Та самая, что осталась от прошлой жизни, от пятнадцати лет в инженерных войсках, когда он учился читать противника по мелочам. Выправка у солдат — дурная. Сёдла старые. У троих в первом ряду наконечники копий в ржавчине — значит, оружие либо не чистили, либо досталось недавно.

Вывод делался сам собой: граф Шталь торопился. Ему было важно прислать отряд быстро. Во главе ехал капитан. Его скуластое лицо и холодные глаза Алекс разглядел ещё из окна кузни. Спешившись, он бросил поводья конюху. Какое надменное движение, он даже не посмотрел на него. Молодцевато махнул рукой и пошёл к крыльцу. Походка капитана тяжёлая, уверенная выдавала человека чопорного и недалекого. И ещё это явно была походка человека, который привык, что ему подчиняются.

— Барон фон Верн, — произнёс он. Не поклонился. Шляпу не снял. — Капитан Рудольф Гесс. По поручению его светлости графа Шталя и во исполнение имперского указа прибыл для описи вашего имущества.

Алекс смотрел на него спокойно. Тот барон, мягкий и болезненный, которого он заменил, наверное, уже трясся бы от одного вида вооружённых людей. Но Алекс был не тем бароном. Он был майором Вершининым. А майор Вершинин умел читать документы.

— Готов принять вас, капитан, — сказал он ровно. — Но прежде хотел бы ознакомиться с документами.

Гесс замер и обалдело моргнул. Видно, его проинструктировали, что молодой барон ничемный, слабый, слабом мальчишка, который от одного вида закрученных усов и заряженного мушкета подпишет всё, что ему подsunут. Но капитан быстро оправился, криво усмехнулся и достал из кожаного тубуса свиток с имперской печатью.

Алекс властно взял свиток, развернул и начал внимательно читать.

И с каждой строкой его лицо становилось всё спокойнее. Потому что он видел то, чего не мог видеть капитан. Волшебна неграмотная казуистика перемежалась юридическими ляпами, натяжками, откровенной глупостью.

Первое, что отметил Алекс: указ подписал не канцлер, как полагалось, а региональный наместник. А это допускалось только в случае немедленной угрозы и других экстренных обстоятельств. Но барон Верн-старший был казнён по приговору суда. Военного положения не объявлялось. Значит, уже на основании только этого, указ вызывающе незаконен..

Второе: в указе говорилось о конфискации «всего движимого и недвижимого имущества». Но Вернштейн по старой хартии — ленное владение. Земля, пожалованная роду за службу. Конфискация лена требовала решения имперского совета, а не наместника.

Третье — самое интересное: в списке имущества не было упомянуто подземелье. Которое по старым законам считалось не частью замка, а отдельным сооружением. И, следовательно, описи не подлежало.

Алекс свернул свиток. Вернул капитану. Посмотрел тому прямо в глаза.

— Указ, безусловно, обязателен к исполнению, — сказал он вежливо, почти ледяным тоном. — Но поскольку он содержит ряд юридических неточностей, я вынужден обратиться за разъяснениями к имперскому канцлеру. До получения этих разъяснений прошу приостановить опись.

Под челюстью у Гесса набухли желваки. Видно, не привык, чтобы ему перечили. Да ещё и с такой спокойной, почти ледяной уверенностью.

— Вы осмеливаетесь оспаривать указ его светлости графа Шталя? — рявкнул он.

— Я не осмеливаюсь оспаривать, — Алекс не повысил голоса. — Я указываю на юридические несоответствия. Если вы настаиваете на немедленном исполнении, я подам жалобу в имперский суд.

И тогда опись будет приостановлена уже по решению суда. И это займёт не меньше полу-года.

Наступила тяжелая тишина. Солдаты за спиной капитана неуверенно переглядывались. Видели, что их командир попал в ловушку. И если он продолжит опись, то грубо нарушит закон. А если отступит, то потеряет лицо перед людьми. Если бы они имели представление о шахматах, то назвали бы случившееся цугцвангом.

Гесс, надо отдать ему должное, выбрал третий путь. Усмехнулся — уже без злобы, скорее с уважением.

— Барон фон Верн, видимо, перенёс не только лихорадку, но и поумнел, — сказал он. — Хорошо. Идём на компромисс. Опись приостанавливается на четырнадцать дней. За это время вы должны либо получить от канцлера подтверждение законности указа, либо предоставить документы, доказывающие вашу правоту. Если через четырнадцать дней таких документов не будет — опись возобновится. И уже без разговоров.

Алекс кивнул. Четырнадцать дней. Именно то, что ему было нужно.

Но Гесс не спешил уезжать. Помедлил. Добавил:

— Есть ещё одно условие.

Его светлость граф Шталь настаивает на следующем. Баронесса Грета фон Верн в течение этих двух недель нанесёт визит вежливости в его замок. Это просто предложение. И оно необходимо для обсуждения дальнейших отношений между нашими домами.

Грета, стоявшая до этого молча, побледнела до такой степени, что стала блее своего шелкового воротничка.

Алекс мгновенно понял. «Визит вежливости» не что иное, как эвфемизм. За ним могло скрываться что угодно. От попытки выдать её замуж за одного из сыновей Шталя до чего-то гораздо худшего.

Он сжал кулаки. Ногти впились в ладони.

— Это условие ей обязательно принять? — спросил он.

— Его светлость просто желает выразить соболезнования баронессе в связи с утратой отца, — Гесс усмехнулся. — Было бы невежливо не принять их лично. Алекс молчал. О взвешивал варианты. Отказаться совсем было нельзя. это сразу расценят как вызов. Тогда Гесс откажется от компромисса и начнёт описывать немедленно. Но и соглашаться с врагом нельзя. Потому что отправлять сестру в замок Шталь это всё равно что отдать её врагу.

Он посмотрел на Грету. В ее глазах была решимость и не было ни капли страха.

Она решительно сделала шаг вперёд. Кулаки ее нервно сжались

— Я нанесу визит вежливости графу, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я вынуждена это сделать. Я не хочу, чтобы из-за меня пострадали брат или люди Вернштейна.

Гесс удовлетворённо кивнул. Молча козырнул ей. Но потом не удержался и особенно мерзко ухмыльнулся. Потом уже не так молодцевато как в начале визита развернулся, вскочил на коня. Дал своим людям команду выступать.

Всадники выехали, с нарочитым топотом. Подняли густую непрозрачную пыль. И только когда последний скрылся за поворотом, Алекс почувствовал, что напряжение отпускает. Но после такого волнения у него осталась усталость и холодная злость.

Пока игра шла явно вничью. А, он, майор Вершинин, так играть не привык. Его учили побеждать любой ценой.

Грета тихо подошла к нему. Ее руки нервно дрожали, хотя лицо оставалось спокойным. Она -молодец,- отметил Алекс про себя

— Что будем делать? — спросила она.

Алекс ответил не сразу. Посмотрел на свой замок. Окинул взглядом серые стены, узкие окна. Бросил неторопливый взгляд на башни. Как острые колья они торчали в серое низкое небо.

Четырнадцать дней. Для кого-то очень мало. Но не для майора Вершинина. Он знал, что можно сделать за это время. Какие изменения происходили в его мире за этот срок на полях сражений.

— Ты не поедешь к Шталю, — сказал он. — Я найду другой способ выиграть время. А ты останешься здесь. Поможешь мне. Без тебя я не справлюсь.

Она посмотрела на него. С удивлением и восхищением одновременно.

— Какой способ, брат?

Алекс спокойно улыбнулся ей.

— Этого я пока не знаю. Но знаю точно: визит вежливости — это не условие. Это проверка. Я бы сказал- проверка на вшивость. Шталь хочет посмотреть, насколько мы слабы. Убедиться, что мы готовы подчиниться. И запомни, если подчинимся сейчас — потом будет только хуже. Поэтому мы начинаем игру. И будем играть так, чтобы противник думал, что играет он.

Йорг, стоявший до этого молча, подошёл. Чтобы обратить на себя внимание тихо кашлянул.

— Молодой барон говорит мудро. Но граф Шталь — человек жестокий и хитрый. Если баронесса не нанесёт визит, граф может обидеться. И тогда беда будет ещё больше.

Алекс посмотрел на старого слугу.

— Граф Шталь уже обиделся, когда казнил нашего отца. Обижаться дальше ему некуда. А вот бояться, поверьте мне, есть чего. Если он увидит, что Верны не сломлены, что они играют по своим правилам он передумает с нами связываться. Связываться с теми, кто не сломлен и силен, всегда опасно.

Грета взяла его за руку

— Брат, ты действительно изменился. Лихорадка сделала тебя другим. Не знаю, хорошо это или плохо. Но рада, что ты теперь такой. С таким братом мне теперь не страшно.

Она повернулась, пошла в замок. Бросила через плечо:

— Пойду приготовлю тебе одежду. Тебе нужно ехать в Карлсбург. Там есть предприимчивые купцы, шустрые юристы. Там можно найти тех, кто тебе поможет.

А девчонка- молодец,- с теплотой подумал бывший майор Вершинин.

Он, опытный офицер, привыкший к тому, что в его мире люди умирают, не успев сказать друг другу важных слов, вдруг почувствовал: у него теперь есть семья. И семья не маленькая. Сестра, старый слуга, опытный кузнец. И всё это — его. И он должен это защитить. Любой ценой.

— Да, — сказал он. — Поеду в Карлсбург. Но не сегодня. Завтра. Сегодня мне нужно сделать кое-что другое. Спуститься в подземелье. Посмотреть, что там оставил отец.

Он повернулся. Пошёл к кузне. Где его ждал Ханс Крамер. Старый резонатор. Который, он был уверен, знал о подземелье больше, чем говорил.

Солнце клонилось к закату. Тени от башен становились заметно длиннее. Алекс с ненавистью думал, что где-то далеко, за холмами, уже горели огни замка Шталя. И там, за столом, жестокий граф Фридрих Шталь, наверное, уже пил вино и смеялся. Он с радостью думал, что Верны сломлены. Что через четырнадцать дней он заберёт их земли, их замок, заберет Грет.

Он не знал, что в Вернштейне все изменилось . И в старинной кузне уже пылают горны. А два резонатора — молодой и старый — уже начинают ковать смертоносную сталь. И эта сталь изменит всё.

И что четырнадцать дней — это не срок, за который Верны погибнут. А срок, за который они успеют начать войну. В которой граф Шталь обречен.

Потому что он играет по старым правилам. А они теперь могут играть по новым. По тем неведомым этому миру правилам, которые принёс с собой майор инженерных войск Алексей Вершинин. Человек, который обладает такими знаниями, которые напрочь изменят этот мир.

Глава 3

Ночь тяжело опустилась на замок Верштейн. Темная, безлунная. Казалось, кто-то набросил на замок старый, потёртый плащ. В узких бойницах окон замелькали первые звёзды . Такие холодные, далёкие, как глаза суровых полузабытых предков.

Алекс терпеливо дождался, пока Грета уйдёт в свои покои. а также пока Йорг отправится на обход стен. Тогда он взял факел, небольшой нож (его он не выбирал, взял тот, что нашёлся в кухонном шкафу), — и осторожно спустился обратно в подвал.

Он спешил, туда где часом раньше пробил ломом дыру в стене.

Комната при неровном свете факела казалась ещё меньше, чем показалась ему при первом осмотре. Тени, плясавшие на стенах от неровного пламени, хищно съедали пространство. Делали его тесным и даже уютным. Это был особый уют. Так бывает уютно в мастерской старого часовщика или ювелира, где каждый инструмент лежит на своём месте и каждая вещь хранит память о руках, которые её создали.

Стол в центре был завален бумагами. Алекс придвинул факел ближе. Начал разбирать написанное мелким, убористым почерком.

Он читал внимательно и вдумчиво. Старался понимать каждый поворот отцовской мысли, каждый нюанс его рассуждений. Полученное майором Вершининым образование очень помогало в этом. Он удивлялся как барон, живший в таком архаичном мире, мог рассуждать о таких материях. Алекс не жалел глаз, которые начали быстро уставать при таком скромном освещении комнаты. Он читал до тех пор пока каждая строка начала открывать перед ним мир, о существовании которого никто не подозревал до старого барона.

Его отец был удивительным человеком. Не просто чопорным дворянином и бездельником, как его соседи. И не просто мужественным военным. Кто-то мог посчитать его неудачли-

вым политиком, втянутым в заговор. И затем вероломно казнённым за надуманную измену. И старый барон Верн действительно был вероломно схвачен и казнен империей. Он Алекс теперь твердо знал, что его отец был настоящим учёным. Новатором в этом консервативном мире. Человеком, посвятившим жизнь изучению законов Резонанса. Создателем его теории и исследователем практики.

Записи были очень последовательны и велись годами. Старый барон был настойчив в своих научных поисках и аккуратен. Но мысли и почерк отца менялись со временем. Алекс отмечал этот творческий рост. Ему было интересно и тревожно наблюдать, как из осторожных, почти робких заметок, полных предположений они превращались в уверенные, почти восторженные рассуждения. Барон Верн шел от опыта к опыту, от неудач к открытиям. Постепенно он приходил к пониманию того, что Резонанс — это не просто способность чувствовать металл или камень. Это могущественный инструмент.

И этот волшебный инструмент можно усиливать, направлять, делать полезным. И все это возможно если знать, как именно взаимодействовать с материей на уровне её внутренней структуры. Догадки о волновой природе материи потрясли Алекса. Даже для современных ученых это были спорные моменты. Но старый барон уже мог оперировать дискретными функциями и элементами квантовой механики. Магические свойства его души и сознания помогали ему в его поисках истины.

Особенно заинтересовали Алекса страницы, посвящённые резонансным сплавам. Особым соединениям металлов, которые, будучи однажды настроены резонатором, сохраняли заданные свойства сколь угодно долго. И отец описывал, как он пытался создать сплав, усиливающий Резонанс того, кто с ним работал. Подобно тому, как линза усиливает свет.

В одном из чертежей, аккуратно выполненном тушью, Алекс узнал схему пудлинговой печи. Не той, что уже была известна в его время. Барон ее изрядно модифицировал. Он придумал дополнительные камеры. Придал особое расположение соплам. Дополнил их каналами для подачи воздуха, рассчитанными так, чтобы создавать в зоне плавки условия, при которых резонансное воздействие на металл становилось в десятки раз сильнее и эффективнее.

Алекс сидел над чертежом очень долго.

Вглядывался в каждую линию проведенную отцом. Проверял каждую открытую им цифру. Многократно вчитывался в каждое примечание на полях. И постепенно перед ним складывалась картина того, что отец хотел сделать. Но к великому сожалению не успел. Потому что Шталь поспешил его арестовать и казнить. А комнату с рукописями и чертежами опечатали.

Она простояла закрытой не меньше года. А может быть и больше. Никто бы не осмелился ее открыть. Да и зачем. Кто был способен разораться в этих рукописях, полных смысла и научных прозрений? Пыль оседала на бумагах толстым слоем. Пауки методично плели сети в углах. Мыши объедали края свитков. Жизнь текла вверх своим чередом. Люди были как люди- тупы и нелюбопытны. В это время где-то наверху, в замке, жили обыкновенные люди, не знавшие, что под их ногами скрыто наследие, которое способно изменить их архаичный мир. Пусть не весь мир, но замок и имение Вернов- уж наверняка

Алекс отложил чертёж и закрыл усталые глаза. он был измотан, но вдохновение билось пульсацией в каждой его вене.

Грандиозность замысла придавала сил.

Теперь он видел не просто кузницу с развалившейся печью и проржавевшим горном. А в ней старого кузнеца владеющего Резонансом. Он видел новый мир. Который нужно будет построить с нуля. Начнем с добычи руды. Не будем ограничиваться только ее болотными видами. Затем займемся выплавкой стали. Изменим обработку, закалку. В памяти Алекса всплывала почти забытая с институтских времен диаграмма состояния- железо-углерод. -

Ничего . все припомню, все рассчитаю.- думал он . Потом предстоит изготовление инструментов.

Алекс твёрдо помнил, что у него нет ни денег, ни людей , ни обширного времени. А есть только короткие четырнадцать дней. Их ему подарил надменный капитан Гесс. Сам того не ведая, и не предполагая, как все в последующем обернется.

Алекс не торопясь подошёл к полкам. На них стояли образцы металлов. Это были маленькие, тщательно подписанные кусочки стали, меди, бронзы. Алекс решительно взял кусок стали с пометкой «опыт 47, углерод 0,8%, марганец 0,3%». Это марганцовистая твердая сталь- подумал он. Затем Алекс сосредоточился на этом кусочке .

И почти мгновенно почувствовал то же, что чувствовал в подвале, когда касался стены. Ему становилась абсолютно ясна структура металла. он мог понимать ее и без пояснительных бирочек. Он видел внутри себя кристаллическую решетку, мог разговаривать со слагающими ее атомами железа. Но теперь, зная, что это волновой Резонанс, он мог не просто ощущать свойства материи. Он мог попытаться своим воздействием улучшать свойства металла. А это очень пригодится при подготовке к войне .

Он закрыл глаза. Сосредоточился. Пытался направить своё ощущение внутрь металла. Туда, где, как ему казалось, должны были находиться те самые микроскопические дефекты, о которых писал отец. Пока ничего не получалось. металл почти не отзывался, тихо перешептывались атомы, решетка не менялась

Металл оставался таким же, каким был.

Но в какой-то момент — на короткое мгновение — ему показалось, что он почувствовал отклик. Будто металл дрогнул. Будто что-то внутри него слегка сдвинулось с места.

Он открыл глаза. Посмотрел на кусок стали. Явно. что это ему не показалось -поверхность металла стала чуть более гладкой, более блестящей. Но может быть, это была игра света от факела. Может быть, самовнушение. А может быть он почувствовал первое, робкое, почти незаметное проявление той силы, о которой писал ему отец.

Из состояния глубокого постижения Резонанса его вывел внезапно раздавшийся голос. Алекс даже вздрогнул и тихо выругался

— Молодой барон, — голос был тихий, с дрожью. какой-то старик побеспокоил его в такой важный момент.

Алекс быстро обернулся. В дверном проёме стоял силуэт . Это был Ханс Крамер. Он держал в руке фонарь, тускло светившийся сквозь матовое стекло. Лицо старика было очень бледными печальным . А глаза — влажными. Будто он горько плакал совсем недавно. Казалось, что слёзы ещё не высохли на морщинистых щеках.

— Я искал вас, молодой барон. Грета сказала, что вы спустились вниз. И я осмелился подумать, что вы нашли её...

— Нашёл, — Алекс кивнул. Я нашел все, что нам нужно. И что очень пригодится

Ханс сделал шаг вперёд. Его фонарь осветил комнату ярче. Старик осмотрел комнату и внезапно резко согнулся.

Он был вынужден опереться рукой о стол. Его плечи затряслись. Старик рыдал. И Алекс не знал как утешить человека, которого узнал так недавно и который был таким важным союзником и единомышленником. Он был единственный человеком кроме . конечно, Греты и Йорга, — кто мог помочь ему в том сложном, почти безумном деле, которое он задумал.

Алекс стоял и смотрел на него, пока старик не справился сам со своим приступом печали

— Простите, молодой барон, — наконец произнёс Ханс. Опустил руку. Поднял на Алекса покрасневшие глаза. — Это всё — память. Ваш отец... он был великим человеком. Великим учёным. И он доверял мне. Поверь .Доверял полностью. иначе зачем бы он стал рассказывать мне о своих опытах. Или показывать чертежи. Поверь, юный барон, я был рад помочь ему, чем мог. Но беда в том, что я не резонатор такой силы, как он. И я не мог продолжить то, что он

начал. Куда мне. А когда его забрали... когда казнили... я был в отчаянии, я думал, что всё пропало. Я был уверен, что его труд пропал навсегда. и комнату никогда не откроют. И что никто и никогда не войдет сюда с факелом надежды... Старик явно был не в силах продолжить

Алекс положил руку ему на худое плечо. Почувствовал под почти протертой от времени ткани камзола хрупкие, старые кости.

Алекс думал, что вот такой старик и был хранителем наследия его отца. И он очень пригодится в осуществлении грандиозных замыслов.

— Ханс, — сказал он тихо. — Пойми меня. Я не чувствую в себе такой силы Резонанса, какой обладал старый барон. Но почему-то я оказался здесь. Нам всем угрожает опасность быть уничтоженными Шталем. Но мы не сдадимся. У нас впереди две недели. И мы будем сражаться. Мы используем все, что я здесь узнал. Я верю в вас, в своих союзников и друзей.

— Хорошо, молодой барон, — произнёс он наконец. — Мы начнём завтра. Но вы должны понимать: для первой плавки по этому чертежу нам нужно не только железо. Мы должны добыть уголь. Нам понадобится хороший уголь. Древесный не подойдет. Только каменный. Надеюсь, вы понимаете почему. Мы должны его купить. Но где вы возьмете деньги. Я прекрасно знаю, что их тоже нет. И еще нам нужны обученные люди. А крестьяне мало годятся на это. К тому же они изрядно ослабели от голода

— Я знаю, — Алекс кивнул. — Уголь мы найдём. Деньги надеюсь заработаем, продав первые инструменты. А рабочих обучим вместе. Притом из наших крестьян. Алекс не стал вдаваться в подробности. что такие эксперименты уже проводились в его мире и не раз. Крестьяне только кажутся недалекими. Представь как их мозг научился ловчить, чтобы выжить. Люди учатся быстро, и хотят учиться, когда видят быстрые результаты. Ты спросишь, что граф Шталь?... Что же- граф Шталь получит тот ответ, который заслужил. И ответ этот будет таким, что он долго не забудет. Обещаю тебе! Он ему не понравится!

Ханс с трудом улыбнулся. И улыбка его была почти детской. Будто на мгновение из-под морщин старого кузнеца выглянул тот мальчишка, которым он был когда-то, когда впервые взял в руки молот и почувствовал с восторгом, как металл отзывается на его прикосновение. как он поет в ответ на песни его молодого сердца.

Они вместе поднялись из подвала. И когда выходили во двор, небо уже светлело на востоке. Пели первые птицы. Лучи солнца, ещё слабые и робкие, ложились на серые стены Вернштейна.

И где-то вдалеке, за холмами, просыпался этот мир, в котором через две недели должно было произойти что-то, что изменит всё. И они пошли готовить это.

Глава 4.

Молот стучал по наковальне. И этот громкий монотонный звук разбудил Алекса раньше, чем наступил рассвет. Звук Алексу понравился. Таким он бывает только у мастера, который отлично знает свое дело.

Он вошёл в кузницу. Ханс Крамер, разгорячённый работой, сосредоточенный, стоял у горна с молотом в руке. В горне жарко тлели угли. Они бросали на морщинистое лицо старика красноватые блики.

Когда Ханс увидел молодого барона, он опустил молот. Отложил его в сторону, хлебнул воды и устало улыбнулся.

— Проверил всё, что мог, Алекс. Но печь, я очень боюсь, не годится для той плавки, о которой вы говорили вчера.

Алекс медленно подошёл к печи. Это было небольшое сооружение из огнеупорного камня, с топкой, загружаемой сверху, с поддувом снизу, с трубой, выведенной через крышу. Не плохая конструкция, - отметил про себя. Затем внимательно осмотрел ее всю. Сразу увидел то, что увидел бы любой инженер-металлург. Очень слабая тяга. Температура никак не может подняться выше определённого предела. А значит, сталь никогда не получится качественной.

Для хорошей плавки нужна температура не менее полутора тысяч градусов. А эта печь, даже с лучшими углями, даст максимум тысячу.

— Печь нужно переделать. и переделать основательно, — сказал Алекс. Я должен кое-что рассчитать и тогда все вам объясню.

Ханс посмотрел на него с сомнением.

— Переделать? Молодой барон, это работа на несколько дней в лучшем случае.. А у нас только четырнадцать. Если мы потратим время на переделку печи мы точно не успеем выплавить сталь. Я в этом уверен.

— Если мы не переделаем печь, дорогой Ханс, — сталь всё равно не получится. Алекс начертил по памяти несколько линий, напоминающих график. Попытался объяснить, почему аустенитное зерно не может выпасть при температуре ниже 1500 градусов. А без этого сталь будет рыхлой.

-Нам нужна не просто сталь. Пойми меня, Ханс А сталь, которая будет лучше той, что делают в округе. Иначе мы не сможем её продать. А если не продадим где мы возьмем деньги на покупку каменного угля. И тогда всё закончится, так и не начавшись.

Ханс молчал. Он хотел подробнее расспросить, что такое аустенит, но постеснялся. Но инстинктивно он понимал : молодой барон прав. Нужна печь гораздо мощнее, чем та, что есть у них сейчас.

— Хорошо, барон. Покажите, что нужно сделать.

Алекс взял кусочек угля из ведра, стоявшего у стены кузни. Начал чертить на каменном полу к. Чертеж объяснял за него. Прежде всего, нужно увеличить высоту трубы для усиления тяги. Затем, изменить форму сопел, чтобы воздух входил в топку под определённым углом, создавая вихрь, который резко повысит температуру. А потом необходимо добавить вторую камеру, в которой воздух будет нагреваться перед тем, как попасть в топку.

Всё это, вместе взятое, позволит поднять температуру на четыреста градусов. Чего будет достаточно для качественной плавки.

Ханс слушал очень внимательно. Потом задал несколько вопросов. И постепенно, по мере того как Алекс объяснял, в глазах старика проступало понимание. Потому что он, хоть и не был инженером, но был мастером. А мастера понимают логику вещей.

— Это займёт два дня, — сказал он наконец. — Надеюсь, что не больше. Я готов работать хоть всю ночь. Я очень хочу увидеть результат.

Работа закипела.

Алексу пришлось снять камзол. Он тоже взялся за лом и зубило. Он быстро крушил старую печь, чтобы переложить её заново. По своему чертежу.

Ханс, глядя на него, отметил для себя: молодой барон, хоть и очень слаб физически, но работает с толком. Не тратит силы зря. Он не сломал ни одного камня. все аккуратно разобрал. Теперь эти камни можно использовать повторно.

Это было странно для Ханса. Баронская кровь, по идее, должна была делать его брезгливым к физической работе. Но Алекс работал так, будто всю жизнь только этим и занимался.

Ханс решил, что лихорадка все-таки что-то здорово изменила в его мозгах.. И изменила в лучшую сторону. Потому что теперь он видел перед собой не болезненного мальчишку. Это был молодой мужчина. разумный и умелый.

К обеду они разобрали старую печь. Начали класть новую. Алекс, работая рядом с Хансом, чувствовал, как тело, непривычное к нагрузкам, начинает болеть. Руки покрываются

мозолями. Кожа на них готова лопаться волдырями. Ощущал, как спина ноет от постоянного наклона.- Ничего,- думал Алекс. Мышцы быстро войдут в тонус, а кожа рук огрубеет. Надо терпеть.

Он не останавливался ни на минуту. Потому что знал: если он остановится — остановится и Ханс. А если остановится Ханс — они не успеют. А если не успеют — всё пропало.

Он стиснул зубы. Продолжал работать.

Ханс, глядя на него, тоже не останавливался.

К вечеру они успели выложить основание новой печи. Это было замечательно. Это было ударное начало, которое давало надежду на дальнейшие успехи. Грета принесла им ужин — похлёбку из репы и ячменя, с куском чёрного хлеба. Алекс, глядя на эту скудную трапезу сразу понял: проблема кроется не только в печи и в стали. Очень скуден местный рацион. Люди, которые работают, должны есть. А еда здесь так себе, но и она заканчивается.

— Сколько у нас запасов еды.? — спросил он Грету.

— На две недели. Если начать экономить , то хватит на три. Но тогда люди начнут недоедать и слабеть. И они не смогут работать

— Значит, нужно не экономить на еде. Нужно успеть заработать им на еду. Когда мы выплавим первую сталь, мы сможем из неё сделать инструменты. Продадим их в Карлсбурге. А на эти деньги купим еду. притом. не только брюкву. Крестьянам нужен хлеб и мясо.

— А если не купят?

— Купят. Купцы увядят, что у нас за сталь, и что за инструменты. Таких в округе больше нет. И никогда не будет

Грета не ответила. Только посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом. Будто пытаюсь понять, откуда в её брате, вчерашнем болезненном мальчишке, взялась эта уверенность. Она гордилась им. И надеялась на него

Потом она ушла, оставив их с Хансом доедать похлёбку и запивать её водой из колодца.

На следующий день они продолжили работу. К вечеру печь была готова. Не идеально — времени на сушку не было. Но достаточно прочная, чтобы выдержать первую плавку.

Алекс осмотрел её. Кивнул. Тяга хорошая. Сопла расположены правильно. Камера для предварительного нагрева воздуха работает. Теперь оставалось только загрузить руду и уголь. А потом разжечь огонь. И терпеливо ждать

Руд у удалось найти в старом складе. Она была очень низкого качества. На лицо были примеси серы и других вредных для стали компонентов. Но для первой плавки сойдёт. Уголь тоже нашёлся , и конечно только древесный, а не тот, что нужен.

Они с Хансом загрузили руду. Засыпали её углём. Разожгли огонь. И начали терпеливо ждать.

Огонь разгорался мучительно медленно . К тому же уголь был отвратительно сырой. Тяга тоже была недостаточная. Но она была гораздо лучше, чем в старой печи. Алекс тихо матерился про себя. И это были слова не юного изнеженного барона, а матерого офицера.

Алекс подошёл к печи. Он понимал, что процесс надо ускорить . Положил руку на камень. Почувствовал, как жар проникает внутрь. Как огонь работает. Как воздух движется.

И он сосредоточился и с закрытыми глазами попытался настроиться на волновой Резонанс. Пока не для того . чтобы изменить сущность стали, он просто изучал, что происходит в печи.

И он, открыв глаза, увидел: может, если сосредоточится, почувствовать, как углерод распределяется в металле. Как примеси отделяются по команде его внутреннего состояния. Как формируется хорошая. крепкая сталь.

И он начал постигать свои возможности управления Резонансом.

И Ханс, стоя с молодым бароном у печи понимал: это не просто плавка. Это что-то большее. Что-то, чего он никогда не видел и не делал.

Через шесть часов огонь достиг нужной для плавки температуры.

Алекс, открыв глаза, почувствовал: металл внутри печи начал плавиться как надо. Аустенитное зерно выпало. Шлак отделился от стали. Углерод распределился равномерно.

Он не верил своему счастью, но верил, что Резонанс его не подвел.

Они вместе затаив дыхание открыли летку. Замерли на секунду. И вот

из печи потёк поток раскалённого металла. Яркого. Ослепительного. Такого нужного

Когда он застыл в форме, они получили первый слиток стали.

Ханс, взяв его клещами, осмотрел. Такого он еще не видел. Это была изумительная сталь. Сталь, в которой не было дефектов. В которой углерод распределён идеально. В которой примеси удалены полностью.

Он посмотрел на Алекса восхищенно.

— Это невозможно. Так не бывает. Даже старый барон, великий учёный, не мог бы получить такую сталь. А молодой барон, который только вчера впервые почувствовал Резонанс, получил её с первой плавки.

— Это не я, — Алекс покачал головой. — Это отец. Я очень хорошо изучил его записи. И смог воспользоваться ими

— Нет, — Ханс покачал головой. — Ваш отец был великим учёным. Это несомненно. Но даже он не был резонатором такой силы, как вы. Вы не просто применили его знания. Вы не просто почувствовали металл. Вы смогли овладеть природой стали!. Вы сделали то, что не мог сделать никто. И если вы сможете делать это снова и снова — мы получим сталь, которой нет равных в империи.

Глава 5

Алекс и Ханс молча смотрели на первый слиток стали. Он, ещё тёплый, лежал на наковальне. Ханс, не отрывая от него взгляда, начал медленно поворачивать его клещами. Он внимательно разглядывал поверхность, на которой не было ни единой раковины. Не было следов серы. И ни единой трещины.

Для него это было так же невероятно, как если бы он увидел, что камень плавает, а вода горит. Ханс был в восторге, но ничем его не выражал

Алекс широко улыбался, вытирал пот со лба. Наконец, старый кузнец произнёс голосом, в котором был не восторг, а что-то похожее скорее на благоговение:

— Такой стали я не видел за сорок лет работы. И если молодой барон сможет повторить это ещё несколько раз, то мы получим не просто хороший металл. Мы станем обладателями оружие против всего известного мне мира.

- Не так ли, Алекс?- старик улыбнулся своей мальчишеской улыбкой

Правдой было то, что печь, которую они переложили вчера, сожгла больше угля, чем предполагалось. А запасы угля в замке подходили к концу. И если не найти способ их быстро пополнить, то завтрашняя плавка станет последней. И вся работа накроется медным, а не стальным тазом. И граф Шталь, со своим фальшивыми судебными исками, получит замок, и все остальное чего он добивался.

Алекс вышел из кузни во двор.

Там уже собирались его крестьяне. Те самые двести несчастных душ, ради которых он собственно и затевал все это дело.

Они стояли нестройной толпой . Всего их было человек тридцать, может быть, сорок. Остальные были заняты в полях или по хозяйству. Они смотрели на молодого барона со смесью интереса, страха и презрения. Он видел такой же взгляд у новобранцев в своей прошлой жизни. То есть так смотрят люди, которые не понимают зачем им нужен весь этот шухер. но вынуждены подчиняться. По тому что кто-то придумал такие правила. Нет опасней такой толпы. Она может взорваться и начать делать страшные вещи от любой искры.

Впереди стоял староста Матиас. Высокий, коренастый мужик лет пятидесяти. С седой бородой. С лицом, похожим на старый дуб, — обветренным, морщинистым, с глазами, которые смотрели на барона прямо. Без подобострастия.

-Вот это другое дело,- мысленно отметил Алекс. Человек, который способен смотреть прямо- это человек с которым можно говорить, и можно договориться. В отличие от тех, кто прячет глаза и кивает на каждое слово. Вот с ними - держи ухо востро. Если не ударит втихаря стамеской в печень. то уж ночью точно может прокрасться и придушить

— Молодой барон, — Матиас поклонился. Но поклонился не глубоко. Для Алекса это тоже служило знаком того, что староста не будет хитрить. Он человек прямой и достойный уважения. И он хочет понять, чего от него и его людей хотят. И чего он может ждать взамен.

— Люди собрались, как вы велели вчера через Грету. Что прикажете делать, господин?

Алекс внимательно посмотрел на них. Он видел обветренные. изможденные лица. Их руки потрескались от работы. Одежда выцвела и частично порвалась. перед ними стояли не просто его крестьяне. Это были люди, которые пережили казнь своего барона. они видели как в замок приезжали люди Штала. они знали, что их могут перепродать и они станут рабами более жестокого господина. И теперь они ждут от молодого барона хоть какой-то ясности. Что будет дальше. Что с ними будет. Почему он, барон, до сих пор не сбежал, не бросил их. Не уехал в столицу просить милости у императора. Это было не совсем понятно и требовало объяснения.

— Я не буду приказывать, — сказал Алекс. И в его голосе не было господских ноток, к которым они привыкли с детства.

Матиас и остальные крестьяне молча переглянулись. Потому что такого они от барона не слышали никогда. Ни от старого. Ни тем более от молодого.

— Я хочу предложить вам работу. Более того. Я обещаю вам , что вы получите свою долю в случае успеха

— Долю? — переспросил Матиас. И в его голосе прозвучало то, что можно назвать разумной осторожностью. Это именно та осторожность, которая бывает у людей, обоженных жизнью. У людей, которые знают, что бесплатного ничего не бывает. И что за каждым добрым господским словом кроется подвох, а то и хуже.

— Да. Долю. Сейчас вы работаете на барона. То есть на меня. Я обязан вас кормить, одевать, защищать. А вы за это отдаете мне оброк. Но я говорю вам: к огромному сожалению, все очень изменилось. Мои земли , в нарушение всех законом, описаны графом Шталем. А это значит, если мы с вами ничего не предпримем в ответ, то он их отберет у меня. Поэтому я предлагаю вам другое. Постараюсь вам объяснить так, чтобы вы поняли: те, кто согласится работать не как раньше - в поле, в хлеву, а на моих новых работах. А именно- на стройке, на добыче руды, на лесозаготовке. А также самых толковых мы научим кузнечному делу. Кто согласится, те будут получать не только еду, но и долю от того, что произведут. Вам пока это не понятно. Но уверяю вас, в проигрыше вы не останетесь. Из первой стали, которую мы выплавим, мы сделаем инструменты и продадим их. И часть денег пойдёт тем, кто работал на общее дело. И это будет вашей честной платой за труд. В ответ повисла глухая тишина. Крестьяне настороженно и угрюмо молчали. И Алексу было не понятно: то ли они ничего не поняли, то ли молча протестовали против его слов.

Крестьяне начали неуверенно переглядываться. Некоторые тихонько шептались между собой. Матиас нахмурился, обдумывая предложение.

— А если мы не согласимся? — спросил кто-то из задних рядов. Голос был очень молодой. Дрожащий от волнения. Алекс глянул в сторону, откуда раздавался этот голос и увидел парня лет семнадцати. Худого, с торчащими ушами и с глазами, в которых читался и страх, и вызов. — Что тогда с нами будет? Выпорете?, — как бы говорил его неуверенный вид.

— Тогда вы продолжите работать и жить как жили раньше, — Алекс ответил спокойно и без угрозы. Вы будете работать на барона только за еду. Но учтите: еды скоро не будет. Это правда. И делить вам будет нечего. Такова правда. И я ее от вас не скрываю. А потом сюда придут люди Шталя и вы станете его крестьянами. И снова будете работать за еду. И каждый стражник Шталя сможет уводить ваших жен и дочерей. А вас избивать кнутом и палками. Это тоже была правда и они это знали.

Матиас молча обвел крестьян тяжелым взглядом. и кивнул. Алекс понял, что в этом кивке было все- и признание его правоты и согласие.

Крестьяне поняли, что это может быть, единственный шанс, который у них есть.

— Хорошо, молодой барон, — произнёс Матиас. — Мы согласны. Но покажи, что нам делать. Ты же знаешь, что мы землю умеем пахать, за скотиной ходить. А что ты задумал, нам вовсе не ведомо.

На следующее утро староста собрал крестьян и Алекс повел их на разведку ресурсов, которые были в их распоряжении.

Алекс вел крестьян по тем местам, где по его расчётам, должны были находиться залежи руды, глины, известняка. Он молча отмечал на самодельной карте места, где можно было рубить лес для угля. Особенно внимательно он выбирал место, где на горной речке, протекавшей в полукилометре от замка, можно было построить водяное колесо.

Разведка заняла у его импровизированной роты весь день.

К вечеру они вернулись в замок с первыми образцами. Крестьяне несли куски руды. Они были тяжелые, с вкраплениями чего-то блестящего. Они возвращались с кусками глины красноватой на вид и жирной на ощупь. Кусками известняка — белёсого, лёгкого, пригодного для гашения.

Алекс понимал, что это еще не богатство, но это то, что необходимо для их производства.

Нужно наладить добычу сырья. Это основа. и если это получится. Они смогут делать в месяц и десять и двадцать плавок.

Но прежде всего нужно было решить проблему с водяным колесом. Иными словами- построить его на выбранном месте. Потому что без него, без этого примитивного механического привода, они не смогут ни молоть зерно в нужных объёмах, ни приводить в действие мехи кузни. А значит, и не смогут планировать и строить более сложные механизмы.

Алекс собрал тех, кто согласился с ним работать. Он терпеливо и доступно объяснил, что для начала они должны построить большое деревянное колесо. которое будет основой их производства.

Часть крестьян загорелись. Это были самые молодые и самые смелые Им нравилась идея строить что-то новое, чего здесь никогда не было.

Но старшие крестьяне смотрели на барона с сомнением. И Матиас, их голос, их староста, выразил это сомнение вслух:

— А что будет, если колесо не получится? Если оно сломается? Если мы потратим неделю, а результата не будет?

— Тогда мы построим его ещё раз, — Алекс ответил, не задумываясь. Потому что в его мире, в мире инженерных войск, неудача была не концом. А только неудачным этапом. И тогда просто начинали все с начала. И все равно добивались успеха.

Он посмотрел на Матиаса.

— Я, барон, но я буду работать вместе с вами. Буду рубить дерево. Тесать доски. Собирать колесо. И если оно не получится с первого раза — попробуем второй. И третий. И столько раз, сколько понадобится. Пока оно не заработает.

Это было тем, что убедило их окончательно. Потому что барон, который работает руками, — это было невиданно в их мире. Это было так же странно, как если бы луна поменялась местами с солнцем.

и.

И на следующий день, рано утром, они уже стояли на берегу. Некоторые были с топорами, с верёвками.

Началась тяжелая работа. Крестьяне рубили лес. Таскали брёвна. Тесали доски.

К вечеру первого дня у них были готовы первые детали — лопасти, вал, ступица. К вечеру второго дня колесо начало собираться. А к вечеру третьего дня оно уже стояло на месте. Оно выглядело не совсем изящно. Но было явно сработано добротно.

Три самых сильных мужика, по команде Алекса толкнули его. Произошло маленькое чудо. Колесо, закрипев, начало вращаться. Лопасти подхватили воду. Вал, соединённый с колесом, начал вращаться, передавая энергию на примитивную мельницу, которую они успели собрать. Тяжёлые, каменные жернова начали молотить зерно. и через час у них была первая мука. И все видели, что столько муки раньше могли смолотить только за неделю. Крестьяне повеселели. И поверили, что барон не обманывал их. все начало происходить как он распланировал. А значит результаты их труда не были пустотой. И это было для них главным.

Алекс чувствовал, как усталость накатывает волной. Но это была усталость удовлетворения

— Завтра начнём строить вторую печь, — сказал он. — Большую, огромную. Я вам покажу, что такое массовое производство. Нам будет нужно очень много угля. Поэтому Матис завтра отправит самых опытных мужиков в лес на его обжиг.

Но прежде, чем он успел подумать о следующем шаге, из леса, с треском ломая ветки, вывалилась лошадь. Лошадь была в мыле. Ее седло, сбито набок. А на ней болталось то, что осталось от человека. Избитый, в крови и разорванном камзоле. Совсем молодой.

В разорванном камзоле. В испачканной кровью рубахе. С лицом, бледным, как полотно. С глазами, в которых читалось не просто усталость. Он, увидев Алекса и крестьян, попытался соскочить с лошади. Но силы оставили его. И он, вместе с седлом, рухнул на землю.

Алекс подбежал. Перевернул его на спину.

Это был офицер. Алекс это понял о тому, как он держал руку — даже в беспамятстве, Та к держат руку, привыкшую к шпаге.

И на его камзоле, под кровью и грязью, виднелись полосы лейтенанта имперской армии. — Воды, — сказал Алекс.

Матис стремительно побежал к реке. Через минуту он принёс шлем, полный воды.

Алекс, подложив руку под голову раненого, начал поить его.

И когда тот, открыв глаза, увидел над собой лицо барона, — он, вместо того чтобы обрадоваться, попытался отползти от него. Алекс уловил даже попытку достать шпагу, которой не было.

Незнакомец с трудом прохрипел, что не вернётся туда. Что он лучше умрёт.

Алекс сразу понял, что перед ним не просто раненый. А человек, который прошёл через что-то страшное.

— Здесь тебя никто не заставит возвращаться. Здесь ты в безопасности. И если хочешь жить — должен сказать, кто ты. И что с тобой случилось. Говори. Я жду

Глава 6.

Вы когда-нибудь видели живого дезертира? Испуганного, загнанного зверька?

Этот осколок разбитой армии. Ещё не пойманного и не замордованного врагами. Ещё не повешенного своими.

Алекс видел таких , и не один раз в прошлой своей жизни. Их приводили на сборные пункты. они отчаянно косили и прятались в госпиталях. В тыловых эшелонах они забивались в углы. И каждый раз это было одно и то же человеческое лицо. Оно выражало невыносимый испуг. Это было лицо человека, у которого внутри что-то навсегда сломалось. Что-то важное, что делает человека человеком. И теперь по всем признакам этот человек был не жив и не мёртв. Он вел призрачную жизнь в каком-то промежутке.

Матиа и двое крестьян внесли раненого в замок. Он положили его в одну из свободных комнат на первом этаже. Позвали на помощь .

Грета прибежала с тряпками и горячей водой.

Ирма вошла следом. Это была та самая целительница, о которой Алекс слышал от Греты, но еще ни разу не видел . С нею была заботливо собранная сумка. На вид достаточно тяжелая . Сумка была полна трав и мазей.

Алекс все понял первым: перед ними предстал не просто раненый лейтенант. Это был именно такой дезертир. Возможно, этот человек бежал не от трусости. Возможно, он спасался от чего-то худшего. Пытался избежать того, что он видел, или того, что с ним собирались сделать.

Фантазировать можно было долго, но правду способен рассказать только он сам. Поэтому , и Алекс это понимал. придется набраться терпения.

Теперь несчастный лейтенант лежал на грубой деревянной кровати. Лицо его было бледным, круги под глазами отливали свинцовой синевой. В глазах не было ни капли надежды. В них была такая щемящая пустота, которая бывает в глазах людей. которые пережили, что-то за гранью добра и зла. То, что выходит за пределы морали и нравственных принципов.

Алекс посмотрел на него внимательно, и на уровне интуиции понял, что этот человек может быть полезен. Конечно, не сейчас. Сначала ему нужно вернуть то, что в нем сломалось. Возродить в нем волю и гордость. Заставить его перестать быть осколком. Сделать из него заново человека, нужного им человека. Человека, способного на благодарность и мужественные поступки.

Ирма привыкла иметь дело с болью и смертью. Она была молодой женщиной лет двадцати двух. Ее с тёмные волосы, заплетённые в косу были привлекательны для мужчин. Но лицо было малоинтересным: в нем не было ни красоты, ни безобразия. Ирма стала на колени перед кроватью с дезертиром. Она внимательно осмотрела его раны. Их было всего три. Проникающая в плече. Вторая- на боку. Возможно там были сломаны ребра. Третья, самая опасная , прободила бедро несчастного. Там явно все обстояло весьма печально. Ткани мышц были разрублены безжалостным клинком. Все три раны были грязными и уже гноящимися

Ирма, не говоря ни слова, начала свое дело. Она промывала раны каким-то отваром, который пах горько и резко. Потом она прикладывала к ним тряпки, смоченные в другой пахучей жидкости.

И Алекс, наблюдая за ней, заметил как ее руки двигаются уверенно и быстро. Она отлично знает, что делает. Она не просто знахарка. Ее знания в медицине выдавали в ней гораздо большее. И это требовало внимания.

Наклонившись ближе, Алекс увидел, что Ирма, прикладывая руку к ране на бедре, сосредоточенно закрывает глаза. Лицо ее при этом никак не менялось, но оно начинало как бы сиять изнутри. Было заметно, как под её пальцами, медленно, почти незаметно, кровотечение останавливается. Рана начала затягиваться.

Медленно, с трудом, но это можно было заметить.

Что можно подумать в этом случае. Алекс, хотя и не верил своим глазам, но сразу понял. Ирма не простая знахарка- она особый тип резонатора. Она та, кого можно назвать био-резонатор. Тот редкий тип резонатора, о котором он узнал из записей отца. Тот тип, который может чувствовать живые ткани. Разговаривать с ними, направлять их развитие. Ускорять их восстановление после ранений.

Грета переглянулась с Алексом. Она тоже все поняла.

Они дождались когда Ирма закончит лечение. Раны были заботливо промыты, обработаны, перевязаны. После этого Ирма дала раненому выпить какой-то горький отвар. Он имел глубокий серебряный цвет и резкий запах. Лейтенант, поморщившись, всё же сделал несколько глотков. После этого он мгновенно провалился в глубокий сон. И только тогда Ирма встала с коленей, перевела дыхание. Она посмотрела на Алекса.

— Он выживет, — сказала она тихо. — Ему повезло: раны не задели главных артерий. Не ждите чуда. У него будет сильная лихорадка. Несколько дней он будет бредить. Но он выздоровеет. Через неделю он сможет сидеть. Примерно через две недели опять сможет ходить.

Алекс кивнул. Спросил:

— Откуда ты знаешь всё это? Откуда умеешь делать то, что ты делаешь?

Ирма помедлила. Ответила:

— Моя мать была знахаркой. Я научилась у неё. Но я знаю больше, чем мать. Потому что я... чувствую. Чувствую то, что другие не чувствуют. И не знаю, как это называется. И не хочу знать. Потому что в этом мире, где резонаторов забирают на имперскую службу, где их превращают в инструмент, в вещь, в собственность короны, — поэтому, лучше не знать, как называется то, что ты умеешь. А еще лучше скрывать это от всех. особенно от слуг короны. И я скрываю это как скрывают преступление. Потому что в нашем мире - это преступление это :быть тем, кто ты есть на самом деле.

Алекс внимательно слушал необыкновенную Ирму.

И в его голове, в голове майора Вершинина, а не юного барона человека, который знал цену таким способностям рождались новые планы. Головой майора он прекрасно понимал, что резонатор-био- это подарок судьбы, значение которого сложно переоценить. В его распоряжении появился новый стратегический ресурс. Ирма тот человек, который способен снизить смертность в армии в десятки раз. Она может помочь вернуть в строй раненых, которых в его нынешнем мире считали бы потерянными.

План, который возникал в голове Вершинина, в котором Ирма была не просто знахаркой. А частью той системы, которую он строил. Частью, без которой всё остальное не имело смысла. Потому что можно было выплавить лучшую сталь. Можно было сделать нарезные стволы. Можно было построить пушки. Но если люди, которые будут этим пользоваться, будут умирать от царапин и инфекций, а также от гангрены и лихорадки, то все новые технологии, который майор стремился внедрить в своем новом мире, не стоили ничего.

И он, посмотрев на Ирму, на её спокойное, сосредоточенное лицо. На её руки, ещё пахнущие травами и кровью, — сказал:

— Ты предлагаю тебе остаться В Вернштейне. Я, барон, и ты знаешь. что я могу гарантировать тебе защиту. Я обещаю тебе, что никто не узнает о том, что ты умеешь. Мы умело скроем твою сущность био-резонатора. Ты будешь работать на тех же условиях, что и крестьяне. Я предлагаю тебе честную долю. Также ты получишь достаточное количество еды. а главное- я

гарантирую тебе полную безопасность, пока я жив. И если ты согласна — я уверен, что мы сможем сделать вместе больше, чем каждый по отдельности.

Даю тебе время подумать. но мне кажется, что это хорошее предложение. Ирма смотрела на Алекса глубоким взглядом умной женщины. Ей надоело бояться. всю сознательную жизнь испытывать страх. Знать, что тебя могу казнить за твои умения. Теперь барон предлагал защиту, а главное, она сможет быть тем, кто она есть.

Барон, человек, от которого зависела её судьба, предлагал ей не рабство, а работу. Не цепь, а долю. Империя загоняла ее в ловушку страха, а барон предлагал защиту!

Но ! Ирма была очень умной, а значит осторожной. Она должна была точно убедиться не ловушка ли это. Не обычная ли господская хитрость . Не способ ли выведать её секрет, чтобы потом продать его имперской службе. Да мало ли еще, что можно ждать от людей , одетых в бархат и золото.

И она, помедлив ещё, спросила:

— Почему ты, барон, предлагаешь мне это? Почему не боишься? Почему не хочешь использовать меня так, как используют других резонаторов?

И Алекс, не задумываясь, ответил:

— Потому, милая Ирма, что я сам резонатор. Мы похожи. и можем хорошо понимать друг друга. Ты согласна? Превратить тебя в инструмент- самое глупое, что может прийти в имперские головы. А хочу, чтобы мы работали вместе. Потому. что так будет лучше всем. Мы сможем трудиться как равные. Потому что только так можно выжить. и мы можем добиться того, что построенное нами переживёт и графа Шталя, и имперскую службу, и всё остальное, что этот мир может бросить против нас.

Ирма кивнула едва заметно. Но она была очень умна, и Алекс понимал это. Значит в этом кивке было согласие. И это было очень важно для Алекса.

Она сказала, что останется. она согласилась работать вместе . И поклялась, что будет делать всё, что барон ей прикажет.

Ирма поклонилась и вышла. У постели дезертира остались только Алекс и Грета

— Что ты задумал?- спросила она у брата.

Алекс не спешил отвечать ей. Он посмотрел на спящего ровным сном Отто Бреннера. Обратил внимание на его измождённое лицо, на его руки, в которых ещё читалась привычка к рубящему оружию.

Он смотрел прямо в глаза Греты. призывая внимательно слушать его. Ведь он сейчас готовится ей сказать очень важное.

— Я задумал не просто выжить, моя дорогая сестра. Я решил построить могучую армию. И я буду строить ее из простых крестьян. Поэтому мне нужен тот. кто знает, что такое армия. Кто умеет готовить солдат. И это должен быть офицер. И этот офицер — этот Отто Бреннер. поэтому мы должны его вылечить и попытаемся переманить на нашу сторону. Если смогу вернуть ему то, что в нем сломалось, он станет тем человеком, который очень нам поможет. А Ирма станет той целительницей, которая сможет возвращать раненых в строй. А мы все вместе станем тем ядром, вокруг которого сложится мощная система. Которая сможет бросить вызов Шталю.

Грета слушала внимательно брата. Но не могла сразу понять его до конца. она совсем недавно была сетрой слабого мальчишки. при том старшей сетрой. а теперь он предлагает ей стать партнером для великого дела. смысл которого на еще не могла понять до конца. но она верила алексу. И готова была идти с ним до конца. каким бы он для них не был.

И она, кивнув, сказала:

— Я сделаю всё, что нужно. Буду управлять поместьем. Буду следить за тем, чтобы у нас была еда. Чтобы у нас были деньги. Чтобы у нас были люди. А ты занимайся своей армией.

Своей сталью. Своей войной. Потому что я, Грета, буду тем, кто будет держать тыл. И без меня ты не справишься. И я знаю это. И ты, я уверена, тоже знаешь.

Алекс посмотрел на неё.

И ему стало тепло.

Потому что он, майор Вершинин, привыкший к тому, что в его мире люди работают в одиночку. С незапамятных времен они решили жить так, что каждый сам за себя. Команды - это редкость. Конкуренция за ресурсы разобщила людей. А здесь в этом странном мире, где есть Резонанс, бароны, замки, он вдруг понял, что у него есть команда, что он не один. Что вокруг него есть люди, которые верят в него. Которые готовы поверить в него и работать. Которые готовы рисковать за его идею. Принять ее и сделать своей.

И что это, может быть, самое ценное, что он получил в этой новой жизни. Ценнее Резонанса. Ценнее всего остального.

И он, кивнув Грете, сказал:

— Да. Я знаю, что без тебя не справлюсь. И рад, что ты со мной. И вместе мы сможем сделать то, чего ещё никто не делал.

Прежде, чем Алекс успел подумать о следующем своем шаге, Отто Бреннер, спавший на кровати, застонал. Потом заворочался и кажется проснулся.

Алекс понял, что дезертир слышал всё, что они говорили. и в его глазах появился интерес и слабая надежда.

Возможно он размышлял что, может быть, стоит остаться. Стоит послушать. Стоит попробовать.

И он, Отто Бреннер, лейтенант имперской армии. Дезертир. Осколок разбитой армии. Человек, который бежал от того, что видел, — он, может быть, не убежит снова. А останется. И посмотрит, что будет дальше. И что из этого выйдет.

Глава 7

Бреннер начал подготовку крестьян на рассвете. Первое, что он сделал, с трудом выстроил тридцать крестьян в линию у восточной стены замка. Они долго не могли понять, чего же от них хотят. Когда наконец они образовали нечто, наподобие шеренги, Бреннер смотрел на них с тем выражением, которое Алекс сразу узнал. Это было выражение человека, оценивающего, насколько глубока яма, в которую он провалился.

Крестьяне могли стоять только, как говорится, кто во что горазд. Матиас держался прямо, по-стариковски, но сосед его, молодой парень с торчащими ушами, переминался с ноги на ногу и смотрел в землю. Трое в конце ряда негромко шептались. Один откровенно чесал затылок. Другой, кажется, уже сожалел, что согласился на эту затею.

Бреннер, прокашлявшись, сказал, что они теперь — рота, и что рота — это не толпа, а организм, и что в организме каждый орган знает своё место, и что если они хотят выжить, то должны научиться двигаться как одно целое.

— Шаг вперёд, — скомандовал он.

Двое шагнули не той ногой. Ещё трое — в разные стороны. Один вообще присел, решив, видимо, что это упражнение.

Бреннер поднял глаза к небу. Его губы беззвучно шевелились.

Алекс, стоявший в стороне, усмехнулся про себя. Он видел это в прошлой жизни десятки раз.

Тогда ему было очень забавно наблюдать как новобранцы, вчера ещё валявшиеся целыми днями на мамкиных диванах или сидевшие за компьютером, впервые оказывались в строю. Печальное и вместе с тем юмористическое зрелище, доложу я вам. А когда из них начинают

пытаться сделать солдат, то это вообще было всегда одинаково — смешно, грустно и безнадежно.

— Стоп, — сказал Алекс, подходя ближе к строю, который постоянно сворачивался в толпу или кучу. — Отто, ты делаешь не то.

Бреннер опустил глаза и посмотрел на него — с тем вызовом, который появился в его взгляде за последние дни.

— А что, по-вашему, я делаю, барон? — спросил он, и в голосе его слышалась усталая ирония человека, который знает, что прав, но которому не хочется это доказывать.

— Ты пытаешься сделать из них линейную пехоту, — Алекс посмотрел на крестьян. — А они не солдаты. Они не привыкли стоять в строю. Они не привыкли подчиняться командам. И они, скорее всего, никогда этому не научатся. Они не умеют быть строем, командой, коллективом. Они привыкли работать в поле — каждый на своей полосе, каждый сам за себя.

— И что ты предлагаешь? — Бреннер скрестил руки на груди. Гордый взгляд имперского офицера яростно сверлил фигуру Алекса.

— Я предлагаю для начала разбить их на пары

Бреннер нахмурился.

— Сделать из них пары?. Как на танцах?

— Да. Разбей их на пары. Пусть каждый отвечает за напарника. Пусть они учатся двигаться вместе, прикрывать друг друга, работать в связке. Это ближе к тому, что они знают. В работе они часто используют это когда двое пашут, двое косят.

Бреннер молчал, обдумывая. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Мне эта идея нравится. Можно попробовать.

Он начал разбивать крестьян на пары. Отбирая их по росту, по возрасту, по характеру, и Алекс отметил про себя, что Бреннер, хоть и был сломлен, но сохранил главное, что было у офицера. Умение видеть людей, подчинять их своей воле, решать за них, что им лучше. И как добиться их повиновения.

Крестьяне начали отрабатывать движения и повороты в парах. Ох и трудное по началу это было для них дело. Более толковые крестьяне подсказывали что-то своим более недалеким напарникам. Постепенно все разобрались, где лево, где право. Матиас, как самый толковый из них пытался помогать всем. И когда у них начало что-то получаться, Бреннер улыбнулся широкой улыбкой бравого имперского офицера.

— Ладно, барон, вы молодец, черт побери, — сказал он, повернувшись к Алексу. — Может, вы и правда знаете, что делаете. Может быть, что-то у вас и получится. Клянусь, я буду с вами до конца.

— Может, — Алекс усмехнулся. — А может, просто повезло. Бароны - везучие люди, Бреннер. И оба весело расхохотались.

Но только один из них точно знал, что это не везение, а знание принесенное сюда из другого мира.

Пока Бреннер занимался строевой подготовкой и муштрой бывших крестьян, Алекс ушёл в кузню. Он чувствовал, что наступает момент, когда нужно было делать следующий шаг. И этот шаг может превратить группу вооружённых крестьян в отряд, способный противостоять не только наёмникам Шталя, но и любой регулярной армии. Алекс думал о нарезном оружии. Именно оно было этим решающим и необходимым шагом.

В мире, где основная масса пехоты была вооружена кремнёвыми мушкетами — гладкоствольными, неточными, стрелявшими на пятьдесят, максимум семьдесят шагов, — нарезные стволы существовали, но были редкостью, доступной только элитным частям, потому что их изготовление требовало такого мастерства, которым обладали единицы мастеров, и стоило таких денег, которые не каждый барон мог заплатить.

Но Алекс знал, как делать нарезные стволы.

Он знал это не потому, что был гением, а потому что в его мире, в мире двадцать первого века, это было базовым знанием, которое проходили в военном училище, и которое он, майор инженерных войск, изучал не один раз.

Проблема была в том, что в этом мире, с его примитивными инструментами, с его отсутствием станков, с его ручной работой, сделать нарезной ствол было почти невозможно — почти, но не совсем, потому что у него был Резонанс.

Алекс взял ту стальную заготовку, которую они с Хансом выплавили на прошлой неделе. Тот прямоугольный брусок, в котором не было никаких дефектов, присущих выплавкам сталеваров этого мира. Ни вкраплений, ни трещин. Это было совершенство в мире металлов.

Потом закрыл глаза и почувствовал, как сталь отозвалась сразу на его Резонанс. У каждого куска стали был свой голос и свой музыкальный тон. Алекс хорошо понимал это сейчас.

Он почувствовал структуру металла, плотность, распределение углерода, и он, сосредоточившись, начал направлять своё ощущение внутрь заготовки. Он хотел подсказать стали как лучше образовать нарез, который был так необходим для метких стволов их будущих ружей. Он мысленно образовывал спиральную канавку.

Это была тонкая работа, требующая такого контроля, которого он ещё не достиг, и он, открыв глаза, увидел, что его руки дрожат, что пот выступает на лбу, что тело, непривычное к такому напряжению, начинает болеть, но он не остановился, потому что знал: если он остановится, то всё, что он сделал, будет напрасно.

Ханс, стоявший рядом, смотрел на него с тем выражением, которое Алекс уже знал — выражением человека, видящего чудо, но не понимающего, как это чудо происходит, и он, не мешая, продолжал следить за огнём, подбрасывать уголь, делать всё, что нужно было делать, и только иногда, когда Алекс, закрыв глаза, начинал шептать что-то непонятное, старик крестился, потому что не знал, что ещё делать.

Через три часа ствол был готов.

Алекс открыл глаза, и Ханс, подойдя, взял ствол клещами, осмотрел его, и лицо его изменилось, потому что он, сорок лет проработавший с металлом, видел, что это не просто ствол, а ствол, в котором нарезы были сделаны с такой точностью, которую невозможно было достичь вручную, и он, посмотрев на Алекса, тихо произнёс, что он не знает, как барон это сделал, но что он, Ханс, за сорок лет не видел ничего подобного.

— Это только первый, — Алекс вытер ладонью пот со лба. — Нам нужно ещё десять. Минимум.

— Десять? — Ханс покачал головой. — Молодой барон, если каждый ствол будет требовать столько сил, то вы не выдержите.

— Выдержу, — Алекс ответил так, будто принимал вызов судьбы. — Я выдержу, потому что у меня нет выбора.

Через неделю у них было целых десять нарезных стволов.

Алекс, измождённый, с тёмными кругами под глазами, с руками, которые дрожали от напряжения, передал их Бреннеру. Бреннер внимательно смотрел не на стволы. Он был поражен перемена во внешности Алекса. Барон, похоже, все свои силы отдал производству этих нескольких стальных трубок. Бреннер, взяв один из стволов, осмотрел его. Лицо имперского офицера вытянулось от удивления. Он никогда не видел такого совершенства витых линий внутри ствола.

— Откуда вы знаете, как это делать? — спросил он, и в голосе его слышалось не недоверие, а что-то похожее на благоговение.

— Знаю, — Алекс не стал объяснять. — Давай лучше проверим.

Они вышли за стены замка, на поле, где Матиас с крестьянами расчищал место для стрельбища, и где Бреннер, поставив мишень — деревянный щит, обитый тканью, — на расстоянии двухсот шагов, зарядил один из стволов.

— Двести шагов, — сказал он, прицеливаясь. — С гладкоствольного мушкета на таком расстоянии попадёшь раз из десяти.

— Посмотрим, — Алекс кивнул.

Бреннер выстрелил.

Пуля ударила в щит — точно в центр, и когда Бреннер, опустив ствол, посмотрел на Алекса, в его глазах было то выражение, которое Алекс уже видел — выражение человека, осознавшего, что мир, в котором он жил, только что изменился. — Потому

— Ещё, — сказал Алекс.

Бреннер выстрелил ещё девять раз. Восемь пуль попали в щит. Одна — в полуметре от цели.

— Восемь из десяти, — произнёс Бреннер тихо. — На двести шагов.

— Да, — Алекс кивнул.

— Это... — Бреннер не нашёл слов. — Это невозможно.

— Нет, — Алекс покачал головой. — Это просто другая физика.

Бреннер посмотрел на него странно, но не стал спрашивать, что значит «другая физика», потому что он, за десять лет службы, научился не задавать вопросов, на которые не готов услышать ответ, и он, вместо этого, сказал, что с таким оружием они могут остановить не просто отряд Шталя, а целую армию, и что он, Бреннер, начинает верить, что барон знает, что делает.

— Это хорошо, — Алекс усмехнулся.

Вечером Алекс сидел во дворе, отдыхая после дня, проведённого в кузне. К нему подошёл торговец из Карлсбурга, тот самый, что купил у них первую партию инструментов. Тоговец тихо сказал ему, почти не глядя в глаза, что у него есть новости. И это очень плохие новости

— В городе идет набор, — торговец вытер ладонью пот со лба. — Граф Шталь набирает наёмников. Много. Человек двести, может, триста. И говорят, что идёт он не на вас, барон.

— А на кого? — Алекс посмотрел на него внимательно.

— Не знаю, — торговец пожал плечами. — Но говорят, что с ним что-то не так. Что он не просто хочет забрать ваши земли. Что он что-то задумал. Что-то гораздо большее.

Алекс молчал, обдумывая. Потом кивнул.

— Спасибо. Держи меня в курсе.

Нужно думать о следующем шаге- говорил себе Алекс

Но прежде, чем он успел подумать о следующем шаге, из-за угла замка вышла Грета, и лицо её было бледным, и в руках она держала письмо. Подойдя, она протянула его Алексу. Он молча взял его из рук Греты. Разломил печать, развернул бумагу и внимательно прочитав его, был крайне удивлён содержанием. Это было послание имперского канцлера. Он сообщал молодому барону, что слышал о Вернштейне, о его чудесной стали, о нарезных стволах. и, главное, сообщал, что барона фон Верна хотят втдеть при имперском дворе. И цель визита будет одна- с ним хотят сотрудничества

Алекс посмотрел на Грету.

— Это ловушка, — сказала она тихо.

— Может быть, — Алекс кивнул. — А может быть на ш единственный шанс. И будет глупо его упустить.

— И что ты будешь делать?

Алекс не ответил сразу сестре.

Он думал, что столица — это не просто город, а поле битвы, на котором оружием служат не клинки и стволы. Там воюют на языке тайной дипломатии. И на этой битве он, может быть,

гораздо менее защищён, чем в Вернштейне. У него нет такого опыта. Ни в этом мире, не в том. ему негде было его получить. Но теперь придется учиться и придворной казуистике и дипломатии. Деваться некуда. И еще ему нужно быть осторожным, потому что одна ошибка — и всё, что они построили, рухнет. Но он был готов рискнуть.

Глава 8

Карлсбург пах навозом, дёгтем и жареным луком. Этот запах ударил Алексу в нос с такой силой, что он едва не терял сознание. Он миновал городские ворота, огляделся и с удивлением обнаружил, что оказался в таком месте, которое можно было принять за город с очень большими натяжками

Улицы были узкие, кривые, мощённые булыжником, по которому стучали копыта и грохотали телеги. Дома — трёх-четырёхэтажные, с покосившимися фасадами, с вывесками над дверями, с окнами, из которых высовывались горшки с геранью и бельё на верёвках. Народу — тьма. Торговцы кричали, покупатели ругались, дети бегали под ногами, и где-то впереди, на рыночной площади, гудел колокол, созывая народ к полуденной молитве.

Йорг, ехавший следом, наклонился к Алексу и тихо сказал, что лучше не задерживаться на площади, потому что в городе полно людей графа Шталя, и что они, скорее всего, уже знают о приезде барона.

— Откуда? — Алекс не обернулся.

— У Шталя везде глаза, — Йорг кивнул в сторону трактира на углу, у которого стояли двое мужчин в серых плащах, и хотя они делали вид, что разговаривают между собой, Алекс, привыкший замечать такие детали, сразу понял, что они следят за проезжающими. — Видите тех двоих?

— Вижу, — Алекс кивнул. — Не обращай внимания. Едем к торговому дому.

Торговый дом купца Фридриха Гельмута находился на улице Кузнецов, в двух кварталах от площади, и представлял собой добротное каменное здание с арочными воротами, за которыми открывался внутренний двор, заваленный ящиками, бочками и тюками. Гельмут — толстый, лысый, с маленькими хитрыми глазками — встретил их у ворот и, узнав барона, раскланялся с той преувеличенной любезностью, которая бывает у людей, чувствующих выгоду.

— Барон фон Верн! Какая честь, какая честь! — он потёр руки. — Ваши инструменты, должен сказать, произвели фурор. Мой сосед, кузнец Мюллер, купил у меня три ваших напильника и теперь ругается, что все остальные — мусор.

— Рад слышать, — Алекс спешил и передал поводья Йоргу. — У меня новая партия. Лучше прежней.

Гельмут оживился.

— Покажите.

Алекс открыл ящик, который они привезли на телеге, и достал свёрла, резцы, ножи — всё из той стали, что они с Хансом выплавляли на прошлой неделе, и Гельмут, взяв один из ножей, провёл лезвием по ногтю, и когда лезвие не оставило на ногте даже царапины, а наоборот, срезало тонкую стружку, его глазки заблестели, и он, не торгуясь, назвал цену, которая была втрое выше той, что они договаривались в прошлый раз.

— Двести талеров за партию, — сказал он. В его голосе слышалось уважение к товару. Купец был уверен, что за такой товар ему не придется краснеть перед покупателями.

— И если следующая партия будет такой же, я готов брать всё, что вы привезёте.

Двести талеров. Это были деньги, на которые можно было купить уголь на два месяца, руду, зерно, и ещё осталось бы на то, чтобы заплатить Бреннеру и Ирме. Алекс кивнул, пожал Гельмуту руку и, пока Йорг занимался расчётами, вышел на улицу, потому что у него было ещё одно дело, и дело это было важнее продажи ножей.

Ему нужна была сера. И селитра. И свинец.

В его мире эти три слова означали порох, и хотя он, майор Вершинин, знал, что порох в этом мире уже существует, он также знал, что местный порох — плохой, крупнозернистый, с неправильным соотношением компонентов, и что если он сможет сделать порох лучше, то получит преимущество, которое граф Шталь не сможет компенсировать никаким количеством наёмников.

Аптекарь, к которому его направил Гельмут, оказался худым, нервным старичком в очках, сидевшим за прилавком, заваленным склянками и пучками сушёных трав. Сера у него была отличная: жёлтая, в небольших комочках, остро пахнувшая тухлыми яйцами. Селитра — тоже. Хотя ее было очень мало. И это могло стать проблемой. Свинец он не продавал, но сказал, что на рынке, у литейщика, можно купить свинцовые слитки, если не задавать лишних вопросов.

Алекс купил всё, что было, заплатив из тех двухсот талеров, что только что получил, и когда он, нагрузив телегу мешками с серой и бочонками с селитрой, собирался уезжать, аптекарь, проводив его до двери, тихо спросил, зачем барону столько серы, и Алекс, не оборачиваясь, ответил, что для бытовых нужд, и аптекарь, кивнув, закрыл дверь, но в его глазах Алекс успел заметить то выражение, которое бывает у людей, понимающих, что им соврали, но не желающих спорить.

Он уже садился на лошадь, когда его окликнули.

— Барон фон Верн?

Голос был женский, мягкий, с той интонацией, которая бывает у людей, привыкших, что их слушают. Алекс обернулся и увидел женщину, стоявшую у крыльца соседнего дома, и хотя он никогда не видел её раньше, он сразу понял, что это не просто горожанка, а аристократка, потому что платье её, хоть и было простым, сшито из ткани, которую простые люди не могли себе позволить, и потому что осанка её была такой, какой не бывает у женщин, выросших в городе.

— Баронесса Катерина фон Альт, — она чуть наклонила голову. Очень элегантно, отметил Алекс. И в ее движении не было подобострастие. Оно было полно достоинства знатной особы.

— Я слышала о вас, барон. Вы меня заинтересовали. поэтому я расширила свои познания. и теперь знаю почти все: О вашей стали. О ваших инструментах. И о ваших проблемах с графом Шталем.

Алекс посмотрел на неё внимательно. Ей было лет двадцать семь, не больше. Тёмные волосы, собранные в причёску, которая стоила дороже, чем весь его замок. Глаза — серые, умные, с тем блеском, который бывает у людей, привыкших играть в игры. Но для этих игр они сами придумали.

— Откуда вы знаете о моих проблемах? — спросил он, не подходя к даме ближе.

— В Карлсбурге знают всё, барон, — она слегка усмехнулась. — Особенно то, что хотят скрыть. Граф Шталь набирает наёмников. Вопрос в том, против кого он их набирает, и я думаю, что вы знаете ответ. И для нас это не секрет.

— А вы? — Алекс прищурился.

— Я думаю, что против вас, — она шагнула ближе, и Алекс почувствовал запах духов — тонкий, цветочный. — И я думаю, что вам нужна помощь. Я понимаю, что военной помощи я оказать не смогу. С этим вы явно справитесь сами. но я могу помочь информацией, связями. Деньгами.

— И что вы хотите взамен? — Алекс не стал притворяться, что не понимает. В его мире, в мире офицеров и политиков, такие разговоры велись по тем же правилам: предложение, контр-предложение, торг.

— Сталь, — она произнесла это слово так, будто говорила о бриллиантах. И глаза ее стали цвета этого метала. А рука непроизвольно сжалась в волевом жесте.

— Вашу сталь. Эксклюзивные поставки. Только мне, только через меня. Я продам её в столице, и вы получите цену, о которой даже не мечтаете.

Алекс молчал, взвешивая. С одной стороны, предложение было выгодным — Катерина фон Альт, судя по всему, имела связи в столице, и через неё можно было выйти на имперский двор, на канцлера, на тех, кто мог защитить от графа Шталя. С другой стороны, он не знал, кто она на самом деле, кому служит, какие у неё цели, и он, привыкший не доверять людям с первого слова, решил не торопиться. Такой разговор мог обернуться и большими неприятностями.

— Я подумаю, — сказал он неопределенно.

— Думайте, — она кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Но, прошу вас, не слишком долго, барон. Время я ценю больше всего. потому что у женщин его очень мало

Выехали из Карлсбурга после полудня.

Телега, гружённая серой, селитрой и свинцом, скрипела на булыжниках, и Йорг, ехавший рядом, поминутно оглядывался, потому что ему, старому солдату, не нравилось, что за ними следят, и он, наклонившись к Алексу, тихо сказал, что те двое в серых плащах выехали из города сразу за ними и теперь держатся на расстоянии двухсот шагов.

— Я знаю, — Алекс кивнул. — Не обращай внимания. Пусть себе следят. Нам это не повредит. Мы будем на стороже.

— Но, молодой барон...

— Йорг, — Алекс посмотрел на него. — Если они хотели нас остановить, они бы сделали это в городе. Раз они едут за нами, значит, ждут подходящего места. А подходящее место это лес, через который мы будем проезжать через час.

Йорг побледнел.

— Засада?

— Скорее всего, — Алекс посмотрел на дорогу, петлявшую между холмами, и начал прикидывать, где именно они ударят, и думал, как подготовить ловушку для тех, кто её устроил.

— У нас есть оружие?

— Два пистоля и ваш нож, — Йорг похлопал по седельной сумке. — И у меня короткий меч.

— Маловато, — Алекс поморщился. — Но сойдёт. Слушай внимательно. Когда въедем в лес, ты поедешь впереди, я — сзади телеги. Если начнут стрелять, ты соскакиваешь и ложишься за телегу. Я делаю то же самое. Понял?

— Понял, — Йорг кивнул, и в его глазах, несмотря на страх, было то спокойствие, которое бывает у людей, привыкших подчиняться приказам.

Тактика предложенная молодым бароном ему явно нравилась.

Лес начался через час, как Алекс и предсказал. Дорога сузилась, деревья сомкнулись над головой, и свет стал тусклым, зеленоватым, и в этом свете всё казалось неподвижным, застывшим, и только стук копыт и скрип телеги нарушали тишину. Алекс, оглянувшись, увидел, что двое в серых плащах приблизились и теперь ехали в ста шагах позади. Через минуту к ним при-

соединились ещё шестеро, выехавшие из боковой тропы. Все они были вооружены. На их камзолах, под плащами, виднелись нашивки с чёрным орлом — ненавистный герб графа Шталя.

Восемь человек. Против двоих. Это может быть сокрушительным преимуществом.

Алекс сжал поводья. Наклонившись к Йоргу, прошептал, что пора. Опытный Йорг, кивнув, прищепил лошадь и вырвался вперёд. В тот же момент из-за деревьев, в пятидесяти шагах впереди, выскочили ещё трое, и один из них, подняв арбалет, выстрелил, кусок металла, просвистев мимо уха Алекса, вонзился в борт телеги. Алекс, не раздумывая, соскочил с лошади. Ловко перевернул телегу, рассыпав мешки с серой, и залёг за ней. Когда первые всадники, вылетев из-за поворота, оказались в двадцати шагах, он, достав из седельной сумки пистолю, выстрелил. Майор был точен, как на соревнованиях по пулевой стрельбе в своем батальоне. Первый всадник, схватившись за грудь, рухнул с седла, и второй, не успев затормозить, налетел на упавшую лошадь, и в этот момент Йорг, выскочив из-за дерева, рубанул мечом по ноге третьего, и тот, закричав, свалился на землю, и Алекс, перезарядив пистолю, выстрелил ещё раз, и четвёртый всадник, получив пулю в плечо, выронил арбалет и бросился назад, и оставшиеся четверо, увидев, что засада провалилась, что их встретили не испуганные путники, а люди, умеющие воевать, повернули лошадей и умчались в лес, и через минуту всё было кончено, и на дороге остались трое убитых, двое раненых и разбросанные мешки с серой, из которых на землю высыпался жёлтый порошок, пахнувший тухлыми яйцами и смертью.

Алекс встал, отряхнул камзол. Можно было подумать, что он испугался: руки его дрожали. Но не от страха, а от адреналина. Человек не в состоянии управлять своей периферической нервной системой. Храбрость показная часто может оказаться обыкновенной тупостью. Руки Алекса дрожали того напряжения, которое он знал по прошлой жизни, по боям, по операциям, по тем моментам, когда счёт шёл на секунды и когда одна ошибка означала смерть. Человек не может управлять своим адреналином, но он может управлять собой. И майор Вершинин это умел.

Йорг, хромая, подошёл к нему. На его лице был неглубокий порез. Кровь тонкой струйкой текла по щеке. Он не обращал на это внимания. Улыбнувшись, он заметил, что молодой барон стреляет, как дьявол. Алекс, усмехнувшись, ответил, что это не дьявол, а практика. А теперь им нужно собрать серу, пока она не намокла, и уезжать, потому что те четверо, что сбежали, вернутся с подкреплением, и тогда будет уже не до шуток.

Они собрали мешки, погрузили их на телегу, и когда Алекс, садясь на лошадь, брос, и что это — не просто земельный спор, а что-то большее, что-то, чего Алекс ещё не понимал, но ил последний взгляд на убитых, он увидел, что у одного из них, того, что лежал лицом вверх, из-за пазухи торчит свиток. Спешившись, Алекс достал свиток, развернул его. Прочитал первую строку, лицо его изменилось, потому что в свитке был не просто приказ убить барона фон Верна, а приказ, подписанный лично графом Шталем, и в котором говорилось, что барон фон Верн не должен добраться до Карлсбурга живым. Если же он всё-таки доберётся, то нужно проследить, с кем он встретится, и что все его контакты должны быть уничтожены. Понятно было, что Шталя волновал не земельный спор. Шталя боится. Боится не потому, что Алекс барон. А потому, что Алекс знает что-то, чего Шталя не хочет, чтобы он знал. Это связано с отцом. С его записями. С тем, что он нашел в шахтах. Война, которую он вел, была не войной за земли. Это была война за знание. За то знание, за которое его отца убили.

И он, барон Алекс фон Верн, майор инженерных войск, узнает, что именно так пугает графа Шталя. Чего бы это ни стоило.

Глава 9

Представления Алекса об окружающей замок местности были как старая карта, стёртая дождями и временем. Поэтому кое-что на них читалось ясно, а кое-что оставалось лишь смут-

ным ощущением. Так ему смутно мерещилось, что где-то за холмами, в узком ущелье, которое местные называли Волчьей Пастью, есть выход железной руды на поверхность. Алекс, решив, что разведка важнее ожидания, собрался в путь на рассвете, взяв с собой Йорга и двух крестьян. Это были Матиас-младший, сын старосты, и тот самый парень с торчащими ушами, которого звали Фриц. Этот Фриц за последние недели научился стрелять лучше, чем половина отряда Бреннера.

Лошади были рабочие, тяжёлые, не боевые, и седла — простые, крестьянские, без стальных блях и кожаных украшений, потому что Алекс, майор Вершинин, привыкший к тому, что в разведку ходят тихо и незаметно, не хотел привлекать внимания, и он, одевшись в простой серый камзол, без герба, без полос, без знаков отличия, выглядел не как барон, а как мелкий торговец, отправившийся по делам, и Йорг, ехавший рядом в такой же простой одежде, с мечом, спрятанным под плащом, выглядел не лучше, а Фриц и Матиас-младший, с нарезными стволами, завёрнутыми в тряпье, выглядели как обычные крестьяне, которых барон взял с собой для охраны.

Дорога до Волчьей Пасти заняла полдня, и всё это время Алекс, ехавший впереди, внимательно смотрел по сторонам, отмечая каждую деталь — и то, что на тропе, ведущей к ущелью, нет свежих следов копыт, что было странно, потому что через ущелье обычно ходили охотники, и то, что птицы в лесу, по обе стороны от тропы, молчат, что было ещё страннее, потому что птицы молчат только тогда, когда рядом кто-то есть, и то, что на повороте, за большим камнем, он увидел след — не копыта, а сапога, человеческого сапога, причём сапога не крестьянского, а офицерского, с подковкой на каблуке, и он, придерживая лошадь, тихо сказал Йоргу, чтобы тот передал Фрицу и Матиасу, чтобы зарядили стволы и были готовы.

Йорг, не спрашивая почему, кивнул и, перегнувшись через седло, шёпотом передал приказ, и Фриц, и Матиас-младший, уже привыкшие к тому, что барон замечает то, чего не замечают другие, молча достали стволы, сняли тряпье, зарядили, и когда они, въехав в ущелье, оказались в сотне шагов от входа, когда стены ущелья, высокие, отвесные, сомкнулись над ними, когда свет стал тусклым, зеленоватым, когда эхо их шагов начало гулко отдаваться от камней, — тогда Алекс, остановив лошадь, огляделся, и увидел то, что увидел бы любой, кто пятнадцать лет ходил в разведку, — что на уступах, по обе стороны ущелья, прячутся люди, что их не меньше восьми, что у них есть арбалеты, что они ждали именно их, и что выхода, кроме как драться, у них нет.

— Ложись! — крикнул он, и в тот же момент, когда Йорг, Фриц и Матиас-младший соскочили с лошадей, когда они, прижавшись к земле, спрятались за камнями, — из-за уступа, впереди, выскочили трое, и один из них, подняв арбалет, выстрелил, и болт, просвистев, вонзился в шею лошади Алекса, и лошадь, взвизгнув, рухнула на землю, и в этот же момент, сзади, из-за поворота, выскочили ещё четверо, и получилось, что они, четверо, оказались в мешке, в каменном мешке, из которого не было выхода, и Алекс, понимая это, понимая, что если они останутся на месте, их убьют, как убили лошадь, крикнул, чтобы бежали вперёд, вглубь ущелья, туда, где оно сужалось, где становилось уже, где можно было спрятаться за камнями, где можно было дать отпор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.